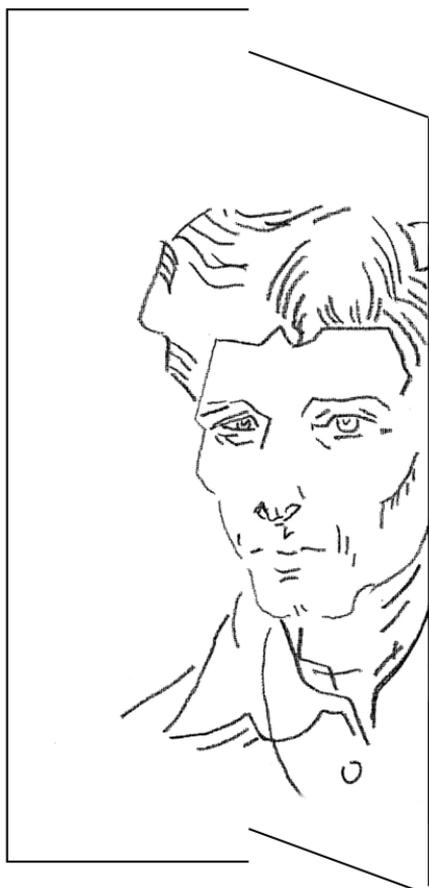

ПЕРОВСКИЙ Н.М.

КОМНАТА СМЕХА

Поэма

Орёл, 2019

ББК 84(2=411.2)6

П 27

Перовский Н.М.

П 27 Комната смеха. Поэма. / Публикация Перовской Л.И. и Перовской М.Н. Вступительная статья и примечания Тюрина Г.А. Художник Блинова Т.С. – Орёл: изд-во «Картуш», 2019. – 120 с.

ISBN 978-5-9708-0742-2

Литературно-художественное творчество Николая Михайловича Перовского (1934–2007 гг.), биографически связанное с курскими, белгородскими и орловскими просторами, выходит за пределы региональных границ. Его произведения были изданы в Воронеже, Белгороде, Москве, Орле, Туле, Железногорске, Набережных Челнах... Поэма «Комната смеха», написанная в 1984–1987 годах и не изданная при жизни автора, впервые печатается как отдельное книжное издание, включающее иллюстрации члена Союза художников России Т.С. Блиновой и материал к творческой биографии писателя (сведения об истории создания поэмы, черновые рукописи, библиография и др.).

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9708-0742-2

© Перовская Л.И.,
Перовская М.Н., 2019
© Блинова Т.С., 2019

В ПЕРЕХЛЁСТЕ ЭПОХ

О поэме Н.М. Перовского «Комната смеха»

Время неумолимо... С годами и десятилетиями блекнет и меркнет память о прошедшем. Однако не тускнеет истинное Слово, которому «жизнь дана».

Слово Николая Перовского было истинным. Без витиеватости и лукавства. Меткое, шероховатое, с привкусом горечи, исходящей из кровоточащего прошлого и от современности, пропитанной беспамятством.

Пережитое народом и выстраданное душой вырывалось на страницы книг. Сердце, сполна вкусившее бед и лишений, переполнялось любовью и состраданием ко всему живому. Чистота чувств и мыслей почти размывала грани между реальной действительностью и художественным миром. Случайно встреченный божж воспринимался другом и входил в поэзию, а пышно цветущие маттиолы становились ночными собеседницами и превращались в героинь сокровенных стихотворных размышлений. Наделённый художественной проникновенностью, поэт стремился уловить точки соприкосновения времён и пространств.

Почти с первых шагов в литературе Н.М. Перовский ощущал тесные рамки лирического стихотворения и стремился вырваться на эпический простор. Богатые жизненные впечатления и нарастающий творческий опыт требовали широкого

размаха. Вероятно, с этим связаны прорывы в прозу (книги «Дорога к дому», «Стоит гора высокая»). Путь к поэме был долгим. Большинство вошедших в книгу лиро-эпических произведений («Дорожная поэма», «Воркутинский дневник», «Старое танго», «Уроки музыки», «Ночная поэма», «Мартовская поэма», «Болотная принцесса», «Сон» и др.) были небольшого объёма, жанровое своеобразие отдельных из них уточнялось авторской пометой – «маленькая поэма».

При жизни Н.М. Перовского были опубликованы только фрагменты поэмы «Комната смеха», не дававшие полного представления о творческом замысле писателя. Фабула произведения связана с празднованием юбилея героя-повествователя. Для виновника торжества это время раздумий об итогах пройденного пути и сущности самой жизни.

«Комната смеха», как почти все поэмы писателя, автобиографична. Здесь довоенные детдомовские годы, раскаты войны и эвакуация в южный тыл, беспризорничество, работа в совхозе, учёба в столице, любовные переживания, странствия по стране – от Донбасса и целины до Воркуты. При этом линия жизни сливалась с историей народа и страны. Душу опалило «воронёное время» – лютые 30-ые годы. Не утихла боль о репрессированных родителях, не только судьбы, но и имена которых малолетнему ребёнку остались неизвестными. Затем лёгкая «оттепель» с шумной идеологической пустотой и последующие десятилетия обещаний и лозунгов.

Название поэмы реализуется в многослойной метафоре, связанной с искажённым до неузнаваемости и уродливости отражением окружающего. В произведении-исповеди одним из первых образов этого художественного воспроизведения является герой-юбиляр. Его душа, захваченная обыденностью («засосало болотное время», «ржавой ряской душа поросла»), воспринимается им самим комнатой смеха: «... а в душе, точно в комнате смеха, // толчея моих тысячи "я"».

Попытка соотносить своё трагическое прошлое с отнюдь не идеальным настоящим приводит героя к предельному психологическому напряжению, результатом которого становится «расщепление» сознания (антиномическое двоение, диссоциация личности): «<...> но внезапно разрывы и трещины / обнажились в уме и душе». Двойник-антагонист («Некто», «души соглядатай», «зрак зазеркальный») высвечивает душу юбиляра, проникая в её отдалённые и глубинные уголки. В отличие от образа доппельгангера (в дословном переводе «призрак-двойник»), встреча с которым может предвещать смерть и который выступает антитезой ангелу-хранителю, функция внутреннего «Я» юбиляра состоит в тщательной и строгой «диагностике» нравственно-этических ценностей. Как утверждают исследователи, двоение является следствием работы совести и выступает предпосылкой к нравственному очищению. В черновых набросках писателя сохранились покаянные строки, не вошедшие в основной текст поэмы:

Виноват <.....>
перед тем беспризоровским воровом...
что отдал мне последний кусок.
Виноват перед тем комбайнёром,
виноват перед тем чабаном...
перед другом под холмиком серым,
виноват перед жизнью самой...

Спасительной для души героя стала его «горестная ноша». Строки из черновика: «... крест судьбы – моя вечная ноша – // надорвался, но вынес меня».

Развивая мотив двойничества, воплощённый в творчестве Гоголя, Достоевского, Чехова, Л. Андреева, Блока, Волошина, Вяч. Иванова, А. Белого, Есенина и др., писатель конца XX-го столетия в сюжетном движении поэмы переводит внутренний (лично-психологический) конфликт в социально-философский ракурс. Обоснование нравственных параметров своей судьбы (бескомпромиссный и беспощадный самоанализ) и опора на жизненный опыт (переживание трагических событий прошлого) позволяют герою выйти за пределы собственной личности и пристально взглянуть на окружающее. В противостоянии юбиляра и гостей раскрывается ещё один смысл названия поэмы: квартира юбиляра, переполненная знакомыми людьми, изображается комнатой смеха.

Резкий, доходящий до сатирических красок взгляд героя высвечивает внутреннее несовершенство

ство пришедших повеселиться: лживые помыслы, корыстные интересы, плотские желания. Их всех сближает душевная опустошённость. Подлинная жизнь подменяется игрой.

Поэма строится на всеохватном противопоставлении: вспышки воспалённой памяти врываются в атмосферу пресыщенной благами современности. Антонимические отношения, охватывая события и людей, устанавливаются не только между частями поэмы, но и в пределах отдельных строк. Так, в одном четверостишии и в одной рифмопаре оказываются образы «юбилейный содом» и «детдом».

В этом перехлёсте эпох проявляется один из признаков нравственной ущербности современников – беспамятство. Забыты трагические страницы недавней истории, в процессе которой народ удалось обратить в «беспородное стадо»: «Если плоть выжигали калёным, // То и души горят от клейма».

Создавая собирательный образ народа, автор выходит на уровень широкого обобщения: современная жизнь – при её внешнем (материальном) благополучии – это комната смеха, в которой искажается и гибнет душа. При этом государство воспринимается сплошным кривым зеркалом: «... от державы до комнаты смеха // на качелях качалась страна...».

В заключительной главе, описывая возможные последствия юбилея (донос, обвинения на «важном собрании»), поэт вводит сновидческую

реальность («сон-мираж»). Создаются сцены судилища и казни человека, посмеявшегося иметь свой голос. В этой части поэмы раскрываются как внутритекстовые переключки («Не эпоха, а ложе Прокруста, // безразмерной секиры страда»), так и межтекстовые (типологические) связи (ср.: повесть В.С. Маканина «Стол, покрытый зелёным сукном с графином посередине» и роман-антиутопия Е.И. Замятина «Мы»).

Н.М. Перовский изображает ограниченное пространство (стены, частоколы, шлагбаумы), символизирующее систему строгих запретов. Сплошные поверхности кривых зеркал (пол, стены) усиливают уродство окружающего. Витражи-фильтры приглушают естественный свет и подлинность красок. В этом пространстве человеческий голос трансформируется в «зеркальный шепоток». Операция по избавлению творческой личности от «зауми» и изъятию у неё «излишних “я”» становится не только безболезненной, но и привычной – «словно это всего лишь обряд».

Извлекая уроки из прошлого, Н.М. Перовский напоминает, что на крутых виражах истории человек проходит тернистый путь: через комнату смеха – к лобному месту. В конце рокового XX-го века писатель-гуманист и провидец стремился предостеречь современников и потомков от повторения народной трагедии.

Геннадий Тюрин

KOMHATA CMEXA

I

Что прошло, то однажды воскреснет...
Принимая судьбы маету,
пробудился я ночью от песни
весь в слезах и в холодном поту.
А слова её были простые
(не простые – душой не криви):
«Начинаются дни золотые
воровской непроглядной любви!»
Забулдыга, видать, окаянный,
под моим примостился окном
и, рыдая на пару с баяном,
всё хрипел и хрипел об одном.
Был надрывен мотив, и банальны
позабытые были слова, –
что ж я плакал в супружеской спальне
так, что юзом пошла голова?!
Где паденья и где наши выси –
не могу отличить до сих пор...
В сорок пятом в овражной Арыси
беспризорный дымится костёр.
И какой-то ворюга «в законе»,
снизойдя до сопливой братвы,
так и режет мне по сердцу: «Кони...
Чёрны-вороны кони мои!..»
А потом, чтобы нас наизнанку,
он с таким же надрывом, точь-в-точь,
прогоняет вдоль грифа «Землянку»,
«На позиции», «Тёмную ночь»...
Мне казалось, я выплакал слёзы,
стоны выстонал, высмеял смех,
от стихов опустился до прозы,

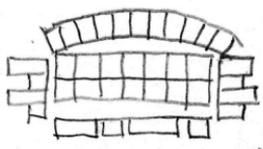
чтобы жить-поживать без помех.
Но в напеве, который однажды
проникает в тебя навсегда,
слишком много надежды и жажды,
не разбавленных солью стыда.
В нём слова и мотив нераздельны –
горше водки и слаще вина,
даже памяти посох скудельный
не нащупает зыбкого дна.
Докопаться до полного смысла
не помогут ни зренье, ни слух,
как ни меряй секунды и числа,
не измеришь ты времени дух.
Да какой уж тут к бесу анализ,
если разум с душой на лету
поделились, потом поконались
и друг с дружкой играют в лапту?
...Я срываюсь с постели, да поздно:
«Вороных уж теперь не догнать...»
И, шатаясь, бреду, как тифозный,
свой размеренный век досыпать.

Но – во сне! – я вскочил от испуга:
кто-то грозный, как Гамбургский счёт,
загоняет меня в Пятый угол,
а из Пятого Время течёт..
Я хватаюсь руками за темя,
я пытаюсь уйти из угла, –
засосало болотное время,
затянула туманная мгла.
Не явления, не люди, не вещи,

а лохмотья каких-то идей
наплывают, смутны и зловещи,
будто я лиходеи и злодей.
Сон во сне? – Я ни в чём не уверен,
потерял от рассудка ключи,
кто-то странный, чей облик утерян,
мне из зеркала шепчет: «Молчи!»
Сон во сне, точно в ярусе ярус,
завершающий купольный свод,
двуединый, двуликий, как Янус,
перепутавший выход и вход...

«Стали дни твои быстро бегущими,
горизонты сужаются в круг,
перед встречею с райскими кущами
чем заполнишь последний досуг?
Млечный Путь распростёрт мартирологом,
Время гонит и гонит – спеши,
точно в юрту с опущенным пологом,
в закоулки и дебри души.
Твой Пегас застоялся до одури,
встрепенись и вскочи на коня,
сторонясь скопидомов и лодырей,
пронесись, бубенцами звеня!
Только тот, кто пропахнет пропажею,
обретёт провидения нить
и сумеет словесною пряжею
бестелесное в плоть воплотить!»
Так обещано, так мне завещано
в многоярусном сне и во тьме,
но внезапно разрывы и трещины
обнажились в душе и в уме...

Ну и бред!
Хоть заглядывай в сонник...
Занавеской процеженный свет,
под луною просел подоконник,
вздыбил рёбра лимонный паркет.
Полусонной души картотека
отвергает мистический сон.
«Просыпайся, ты прожил полвека!» –
слышен голос, похожий на стон.
И сознание моё раскололось –
это стон моего двойника,
в подголоски дробящийся голос
мне аукает издалика...

II

За детдомовским садом крапива,
пёстрый луг, камыши, купыри, –
как познать это дивное диво,
если смотришь на жизнь изнутри?
В многоликом расцвеченном мире –
люди, лошади, травы, цветы;
дважды два – почему-то четыре,
непонятно, где ты, где не ты...
Ты и есть довоенное небо,
довоенная речка и луг –
двуединые дух и потреба
в карнавале друзей и подруг.
Но не детская память свидетель,
вся в зарубках и в твёрдых узлах,
развяжи – и услышишь, что дети
говорят на иных языках.
Мягкий польский и твёрдый немецкий,
и привык ли ты к ним, не привык,
это общий, обыденный, детский –
слёз и смеха всемирный язык.
Так росли мы иль так нас растили?..
«Так растили?! Давай не темни!
Посреди чернозёмной России
эти дети – откуда они?»
Что придумать и что мне ответить
недоверчивому двойнику?
Я не сыч, не петух на рассвете
и не ворон на чёрном суку.
Как проникнуть во взрослые игры,
как постигнуть, что жизнь на кону,
если «тигры» – словесные титры,

если войны – лишь игры в войну?
...Дети тех, кто бежал из Европы,
покорённой, закованной в страх,
кто тюремный удваивал опыт
в Воркуте и в других лагерях...
«Согласись, что запретные темы, –
собеседник стоит на своём, –
соблазнительны, как теоремы
в окруженье пустых аксиом?!»
... Хоть крестись, если веруешь в Бога,
с двойником далеко ль до греха,
Зазеркалье – кривая дорога...
Чу! Предутренный крик петуха.

У Маруси короткая стрижка,
быстрый взгляд и друзей миллион,
а один семилетний мальчишка
безнадёжно в Марусю влюблён.
Потому что ни с кем не сравнима,
потому что прекраснее нет,
и значок Осоавиахима
довершает Марусин портрет.
Ты шпионишь, ты ходишь кругами,
ты считаешь себя подлецом,
но тебя не отвлечь пирогами,
не купить золотым леденцом.
...Усмири свои глупые чувства
и воздушные замки не строй:
друг Маруси – испанец Августо –
твой кумир и всеобщий герой.
С полуслова у них, с полувзгляда

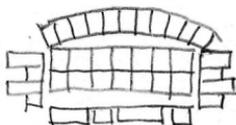
общий дух и единый язык,
у Августо – отец Камарада,
у Маруси – отец Большевик!
Дядя Сева – большой, громогласный,
награждённый Почётным клинком,
а какой он рассказчик прекрасный,
красный конник и райвоенком.
Может, стал я на чувства скупее,
но с годами сильней и больней
сладкий запах его портупей
и скрипучая хватка ремней...

«Стоп! Сначала!» –
двойник или Некто
смотрит в душу глазами совы, –
это он, воспитательный сектор,
подголосок толпы и молвы...
Трезвый разум, души соглядатай,
это он меня гонит к столу,
это он, затолкав меня в Пятый,
сам устроился в красном углу.
От него не отделаться словом,
ни мольбою, ни строгим перстом,
все пять чувств моего душелова
обретаются в чувстве шестом:
он на страже престижа и плоти,
он на стрёме – и совесть чиста,
так лягушка живёт на болоте
и целует кувшинку в уста.
То он призрак, то зрак зазеркальный,
проникающий в мысли и сны,

полустёртый рисунок наскальный,
иероглиф другой стороны...
Вот сейчас, вот сейчас из-под спуда
он достанет резную печать,
заклеймит ею душу, Иуда,
и заставит за всё отвечать.

«Ваши грёзы и ваши признанья,
несмотря на недюжинный пыл,
только щепки в потоке сознания, –
как ты плыл и куда ты приплыл?
“Пятый угол”... “Двойник»”... –
Чертовщина!
Сивый бред – и цена ему грош...
Пятьдесят – это, брат, Годовщина,
тут игра пострашнее, чем ложь.
Над тобой твои годы нависли,
точно в позднюю осень плоды,
собери урожай и осмысли
заблужденья свои и труды.
Не отвешивай лишних поклонов,
ты не ангел, но ты не злодей,
только знай, что судьба миллионов –
это судьбы отдельных людей.
Позабудь о цветах и закатах
и начни: появился на свет
где-то там, в середине тридцатых,
при недобром стеченье планет.
Падал снег или сеялся дождик,
не входя в поэтический раж,
нарисуешь для фона, художник,
подходящий и скромный пейзаж...»

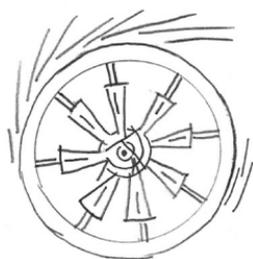
Я бы рад, да прошедшего ветра
не заманишь на круги своя,
никакие бредовые ретро
не догонят виток бытия.
Каждый день я рождаюсь сегодня,
чтобы завтра дожить до седин...
Время, ты повитуха и сводня,
кто я, пасынок твой или сын?
Чей там хохот и взгляд исподлобья?
Чьи там губы, ресницы и рты?
«Эти призраки, эти подобья –
ты вчерашний и нынешний ты...»
От себя не уйти, не уехать,
заповедны любые края,
а в душе, точно в комнате смеха,
толчея моих тысячи «я»...

III

Что ж, начнём... .
Отзвенели капли,
и сирень отцвела под окном,
птицы пели, деревья скрипели
об одном, об одном, об одном:
как теплы материнские руки,
как широк и высок небосвод...
Ощущения, запахи, звуки...
Слово «Сталин» и слово «народ»...
Чьё-то шарканье, шорох и шёпот:
«Неожиданно взяли вчера...»
«Но ведь возраст, заслуги и опыт?!...»
«Заблужденье?.. Ошибка?.. Игра?!»
Всё привычнее слово «страданье»,
Всё навязчивее – «воронок»...
Вдруг – звонок среди ночи...
Рыданье...
Звон посуды и грохот сапог...
... Ночь пройдёт, и черту под потерей
подведёт наступающий день:
прищепит опечатанной дверью,
что-то сдвинет в душе набекрень...
В память врежутся песни «О встречном»,
о «Каховке», о «крепкой броне»,
голос мамы затихнет навечно,
а отец не придёт и во сне...

Как рассудочно, смутно, несмело
на бумагу ложатся слова,
воронёное «слово и дело» –
запредельный порог естества.

Ведь и после двадцатого съезда,
а по правде сказать – до сих пор –
холодеешь, когда у подъезда
прорычит полуночный мотор...

В колыбели тебе подыграли
погремушки, цветные шары,
ты поверил в свои пасторали,
не постигнув законов игры...
Только ангел притронулся в детстве,
тут же дьявол ступил на порог,
отсекая причины от следствий,
он навеки запутал клубок.
Но над пропастью нет перехода,
если выжить тебе удалось,
милосердная к людям природа
отодвинет тебя «на авось»...
Но когда нами властвует случай,
исключение из правил земных,
каждый холмик покажется кручей,
каждый ворон – из тех вороных...

Те в шинелях, а эти в кожанках
в белозубой, безусой поре,
на дворе было пыльно и жарко,
сорок первый стоял на дворе.
Бесфамильные Гришки да Ваньки,
мы стояли в сторонке вразлад,
возле серой детдомовской баньки
разместился солдатский отряд.
Из ближайших, видать, деревенек

проводжали сестра или мать,
как крестил, как огуливал веник
их мужскую поджарую статью!
Те в кожанки, а эти в шинели
затянулись, построились в ряд,
до войны остаются недели,
на околышах звёзды горят.
Посреди комиссарского детства
ты остался с распахнутым ртом –
надышаться на них, наглядеться
за вчера, за сейчас, за потом...

Над Свапой висают стрекозы,
в небе коршун готовит бросок,
иссушает Марусины слёзы
золочёный прибрежный песок.
Гогоча, приближаются гуси,
нарастает мальчишеский свист,
потому что отец у Маруси –
враг народа и скрытый троцкист.
Звеньевая и парашютистка,
покорявшая наши сердца,
прямо с неба упала так низко,
что взяла под защиту отца.
Под защиту – прямая крамола...
Отщепенцам прощения нет,
у Маруси райком комсомола
отобрал комсомольский билет.
А всеобщий любимец Августо
увезён неизвестно куда...
Не эпоха, а ложе Прокруста,
безразмерной секиры страда.

IV

Выйти за город травами росными,
побродить у остывшей реки,
кто там светит меж сонными соснами?
Или это горят светлячки?
За рекой просыпается пригород
накануне рабочего дня,
я и там, я и здесь, точно Фигаро,
лишь в душе моей нету меня.
Всем насущным душа не насыщена,
дуновение звёздных ветров
разрывает и гонит, как нищего,
от дворцов и от сельских дворов.
Одуванчик, с рябиной соседствуя,
спит, но бодрствует в думах моих –
перепутал причины и следствия,
оторвался от связей земных.
Озадаченный и озабоченный,
взбаламученный сном, как вином,
я стою у болотной обочины –
вижу звёздное небо вверх дном...

Млечный Путь. Тополя. Маттиолы.
Но ни звука и ни ветерка.
Существительные и глаголы,
как станочник, стоят у станка.
Заготовки темны и невзрачны,
нереальны в предутренней тьме,
лишь всевидящие телемачты
ловят небо, себе на уме...
Ночь – нашкодивший кот-иодзаборник –
укрывается в Пятом углу.

Просыпается пасмурный дворник,
ставит чай и готовит метлу.
Чтобы люди, деревья и птицы,
шелестя, дребезжа и звеня,
записали на чистой странице
все события нового дня.
Никакой тебе мистики! Город,
разодетый легко и пестро,
заполняет цеха и конторы,
чтобы зло переделать в добро.
Чтобы вечной заботой о брюхе
унавозить духовный пустырь,
то слона сотворяя из мухи,
то из радуги – мыльный пузырь...

Проводив на работу домашних,
отрешиться от лунного сна
и, склоняясь над собственной пашней,
в глубину зарывать семена.
У черты между снами и явью
на съеденье молве или впрок
всунуть горло в захлѣстку удавью
ради нескольких строф или строк.
Погрузиться в наплыв вариаций,
воспарить или – камнем ко дну,
проиграться, но вдруг отыгаться,
по наитию выбрав одну!
Ничего не оставить на завтра,
выжать соки из тысяч «вчера»
и в порыве слепого азарта

невозможное взять «на ура»...
Кто придумал такую работу:
припадая к перу, как к ружью,
вместо жизни устроить охоту
не на дичь, а на душу свою?..

Мне б увидеть звезду из колодца,
мне бы спеть свою песню с листа, –
не поётся, совсем не поётся,
немота, немота, немота...
Застоялась судьба, как болото,
ржавой ряской душа поросла,
полный штиль – ни паденья, ни взлёта,
под рукой ни багра, ни весла.
Зеленеет от скуки бумага,
цвет и запах теряют цветы,
время тратит секунды, как скряга,
из копилки моей немоты.
Блёстки мыслей, обрывки мелодий,
отражения гор и морей, –
неужели в зеркальной колоде
больше нет для меня козырей?
Тут нахмурился, там усмехнулся,
тут с тоской, там с надеждой в зрачках –
отраженья потуг и конвульсий
застывают в кривых зеркалах.
В полынье равнодушия вымок,
весь пылаешь, но Некто в душе
подменяет цветной фотоснимок
грязно-серым свинцовым клише...

«Ты копал в глубину, как старатель,
но зарылся в себя, точно крот,
что нашёл, то с годами растратил,
примирайся с сумою, банкрот.
Впереди не дорожка, а бровка,
ты не смог усидеть на коне,
у тебя не Пегас – полукровка,
чистокровный в чужом табуне.
Муза – женщина, ей не впервые
отдавать свой огонь молодым,
пусть подхватят они, молодые,
шлейф, вздымающий пепел и дым...
Над тобой проживает профессор,
под тобой проживает прораб,
ты бы мог меж трудом и прогрессом
простереть свои щупальцы, краб.
Ты блажной, ты блаженный и нищий,
надо жить, как живут за стеной,
если грезишь небесною пищей,
то рискуешь лишиться земной...»

Неба много. Оно голубое.
Для любого найдётся клочок.
«Попирающий пол над тобою
попирает и твой потолок...»
Что ж, соседи – достойные люди.
Высший – сверху, а низший – внизу,
упомянем, но трогать не будем
родовое бельмо на глазу:
иерархия – вечное кредо

всех народов и всяких времён,
это общая наша победа,
это высший на свете закон...
Мой сосед – толкователь Толстого,
но, заветам его вопреки,
он, любитель народа простого,
не подставит учёной щеки...
Аспиранты и абитуриенты –
то приём, то диплом, то совет...
Что-то вроде пожизненной ренты, –
в ногу с жизнью идёт толковед...
А прораб – настоящий трудяга,
семьянин, и его ли вина,
что в теперешнем мире и шага
невозможно ступить без вина,
что кирпич, и раствор, и проводка
в государственных Пярых углах,
что ходатай единственный – водка –
заменяет и совесть, и страх?..

V

Трезвый разум, держа меня в страхе,
в стороне от возможных грехов,
то мне в руки суёт альманахи,
то журналы, то книги стихов.
Предлагает водицу и ступу,
чтобы я без ошибок и проб,
изучая других через лупу,
на себя наводил телескоп.
Я пытаюсь руками потрогать,
обозначить, как виды грибов:
это страсть, это грязная похоть,
это дружба, а это любовь...
Не выходит – я чувствую кожей,
как душа обращается вспять,
чтобы промысел чей-то отхожий
Божьим промыслом мог я считать.
Стружки мыслей да общие строки
вербовать напрокат и внаём
да внимать стрекотанью сороки,
притворяющейся соловьём.
Чтобы я между Богом и чёртом,
как Иван, что не помнит родства,
взял займы у судьбы круг почёта,
не считая за грех воровства...

Юбилей. Немота. Наважденье:
в толщу лет опустить эхолот,
если эхо отметит паденье –
что ж, падение – тоже полёт...
Или свистнуть в свирель камышинки,
и застойная плесень куги

обнажит золотые кувшинки
и погонит, погонит круги...
...Мир непознанный – мир беспричинный,
как он в детстве скрывает нутро!
Где-то найденный нож перочинный –
и богатство твоё, и добро.
Вожденным и хитрым железом,
если с ним познакомиться вплоть,
можно сделать свисток и зарезать,
сделать дудочку и заколоть...
А слова, а улыбки, а жесты
над поверхностью качеств и числ:
«Тили-тесто жених и невеста!» –
озорной и волнующий смысл...
В ходе жизни и в ходе ученья
на тебя надевают узду
и, ещё не открыв назначения,
прививают, как оспу, беду.
По шажку приближаешься к Шагу:
гордый тем, что умеешь писать,
ты бездумно подпишешь бумагу
и осудишь родимую мать...
Эти лозунги, песни, парады
заглушат колыбельный мотив,
но в душе нарастают распады
и подспудно готовится взрыв...

Было время – дрожали колени,
ветви сердца роняли листки
от заплочной расплывчатой тени,
от обычной житейской тоски.

Было время – ничтожная малость:
шорох платья, дымок резеды –
и в восторге душа подымалась
от канавы до ранней звезды.
Это Муза, пришпорив Пегаса,
словно в цирке, на полном скаку,
вытворяла свои выкрутасы
так, что каждое лыко в строку!
Я прошу у неё: «Раскошешься!
Вместо солнца взойди надо мной,
дай побыть мне и звёздным пришельцем,
и бескрылой букашкой земной...»

«Нет! Теперь я тебе не учитель,
сам садовник – возделывай сад,
ведь поэт – постановщик, и зритель,
и актёр от макушки до пят.
На ошибки свои и потери
не набрасывай радужный флёр,
в круговерти интриг и мистерий
только правде не нужен суфлёр.
Не проси у меня вдохновенья,
ты, хитрец, не обманешь меня:
извлекай свой запас откровенья,
что припрятал до чёрного дня...»¹

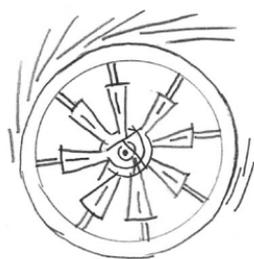
Чёрный день оставляю на старость,
залезаю за словом в карман,
и пергамент, широкий, как парус,
направляет ладью в океан.
Ничего не боюсь – отбоюсь,

доверяюсь ночному рулю,
пусть по прихоти звёздного галса
назначается курс кораблю².
...До зари, до звёзды ли вечерней
от внезапных и щедрых даров
измочалишься, как виночерпий,
надышавшийся пьяных паров...

VI

Юбилей.

Из приюта гармоний
обратимся в богемный приют,
ибо тем, кто не служит мамоне,
отпущенья грехов не дают.
– Говорят, он совсем исписался...
– Бросил пить, присмирел и затих...
– Что-то высосет снова из пальца...
– Сволочь! Хочет быть лучше других...
Я готов позабыть в день рожденья,
что за каждый мой крохотный взлёт
доброхоты в охотничьем бденье
бьют меня, точно вальдшнепа, влёт.
Шепотков анонимное эхо
разрастается по виражу, –
я отходчив, я в комнату смеха
всех желающих снова ввожу.

Шляпы, галстуки, блузки и платья –
(ничего не жалею – юбилей!),
поцелуи и рукопожатья,
поздравлений и здравниц елей.
Бард с гитарой, поэт, архитектор...
Все, кто зван и кому по пути,
чьи-то жёны, подруги и Некто,
уж не мой ли двойник во плоти?
Тош и бледен – ни кожи, ни рожи,
он явился сюда неспроста,
мы с ним так зазеркально похожи,
как распятый похож на Христа:
я – сегодняшней, праздничной, праздной,

вновь со щедрою Музой «на ты»,
он – вчерашний, болотный, бесстрастный,
весь во власти своей немоты.
Я не против него, я не против,
как-никак мы немного сродни,
но боюсь, чтобы тень моей плоти
не оставила душу в тени...

Вот художник, поклонник Сезанна,
одарённый и честный чудака,
с бородой и душой партизана,
обживающий пыльный чердак.
Он владеет широкою кистью,
но, в житейской борьбе неуклюж,
осеняет осенние листья
на поверхности пасмурных луж.
Он романтик, ему не открылось,
что другие у жизни в чести,
наделённым талантом на вырост
нелегко до судьбы дорасти...

Вот философ, очкастый и полный,
этот, двигаясь только вперёд,
несмотря на житейские волны,
перешёл философию вброд.
Был рабочим, студентом, солдатом,
пропахал миллионы страниц,
мог бы стать кандидатом – куда там! –
пациенту душевных больниц...
Он, отдельный и оригинальный,
адекватный себе самому,

оторвался от масс – ненормальный,
философствует – горе ему!..

Плодовитый и рыхлый прозаик,
несмотря на обличье скопца,
сквозь ресницы соседней пронзает
снисходительным взором творца.
Почитая народ простофилей,
он кричит о добре и о зле,
скудость чувств и убожество стиля
искупая «любовью к земле»...

Вот приبلудный солдатик с подругой,
чей-то шурин, а может быть, друг,
в общем – «парень не нашего круга»,
если он существует, «наш круг»...
Для него наши вирши как шлафор
для молоденькой модницы, он
в модный стиль мета-мета-метафор
и в брейк-данс безнадёжно влюблён...

Волосатый брюнет от асфальта,
лысоватый блондин от сохи, –
слаще мёда и твёрже базальта
их поэмы, баллады, стихи.

Лысоватый сидит, подбоченясь,
хлёстки руки, спортивна спина,
он привык перепрыгивать через
все поветрия, все времена.
Пьёт на свадьбе, икает на тризне,

похмеляется в каждом пиру,
но зато, присягая Отчизне,
он красно говорит на миру:
«Распашу я широкое поле,
разгуляюсь на вешнем лугу
и своё золотое раздолье
не отдам я злодею-врагу!»

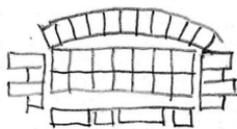
А брюнет?
Извините-подвиньтесь!
У него бы достало ума
обуздать термоядерный синтез,
доказать теорему Ферма.
Методист и бесстрастный анатом,
острослов, полиглот и знаток,
он умеет мельчайший свой атом
приструнить и направить в поток...

Описал бы других, но, признаюсь,
глянец лысин и буйство волос
вызывают не злость и не зависть,
но обиду и жалость до слёз.
Все таланты, пророки, провидцы,
честь и совесть общественных групп,
корифеи убогих провинций,
обожаящих собственный пуп.
Все от скуки любители выпить,
тет-а-тет подыграть леваку
и оплакать несчастную Припять,
словно чирий у нас на боку...
Не случайно ханжи и кликуши,

заглушая свой собственный «SOS»,
призывают спасать наши души,
возвышают свой голос до звёзд...

«Ты мастак посылать укоризны
внешним силам, природе, судьбе, –
как дошли вы до этакой жизни,
проследи-ка, дружок, по себе!»
Я бы мог...

«Не кивай на сиротство,
как ворона, пугаясь куста,
ты не раз променял первородство,
а считаешь, что совесть чиста.
Не к лицу тебе хлопать в ладоши,
не к лицу замыкаться скорбю:
крест, что был твоей собственной ношей,
он, единственный, вынес тебя...»

VII

Затрапезные юрты аула,
пирамиды сухих кизяков,
старики, как дрючки саксаула,
лай дворняжек да рёв ишаков.
Суховой просвистит, как по нотам,
слижет травы, засыплет песком,
пахнет гарью, овечьим помётом,
конским потом и злым табаком.
О победе ни слуху ни духу,
похоронки зажав в кулаки,
дохлебаем свою затируху
и пойдём собирать колоски.

Бак с водою застрял у арыка –
не осилить уставшей руке,
вдоль оврага растёт ежевика,
дикий голубь орлит вдалеке.
Может, он окликает подругу,
что сидит над птенцами в гнезде, –
в небе ходит стервятник по кругу,
отражается в мутной воде.
Мы сидим. Нам с тобою по восемь.
Мы ещё не дозрели до слов.
Если выживем вместе, то спросим:
а бывает ли в детстве любовь?..
Отчего нам легко и неловко,
отчего ты внезапным рывком
обнажённую тифом головку
прикрываешь рогожным платком?..
...На старинном дунганском кладбище
ни креста, ни могильной плиты,

только ветер забвения ищет,
нервы памяти вяжет в жгуты.
Злая память как сеть паутины,
не придумают кисть и язык
сотворённой природой картины:
ежевика, стервятник, арык...
Если есть на земле состраданье –
чья вина на невинных плечах?
Как могло погасить мирозданье
столь смиренный и слабый очаг?
Не ответит ни друг и ни враг...
Даже разум готов на попятный,
он не свяжет с концами концы:
значит, солнцу положены пятна,
как цветущей степи солонцы...

О стихия случайных компаний!
Ведь пока вы нуждаетесь в них,
есть лекарство от самокопаний,
от унылых гераней и книг.
Пусть расплывчаты, пусть легковесны
эти жесты, улыбки, слова,
да не всё же пучины и бездны –
иногда среди них острова.
Хлебосольство – большая наука,
нужно так запустить самотёк,
чтобы самый отъявленный бука
припустился откалывать рок.
И уже от тяжёлого рока
сотрясаются стены и пол –
вот он, дьявол, дождавшийся срока,

металлической плоти глагол...
В смрадном запахе пудры и пота,
в диких жестах и в мимике лиц
жеребиная зреет охота,
нарастает экстаз кобылиц...
Гомо сапиенс!
Гомо цивилис!
Добираясь до сути вещей,
с кем мы сцапались,
с чем мы сцепились
ради джинсов и жирных борщей?..

Так шумит юбилей...
И вдоль грифа
прогоняет «цыганочку» бард, –
он меня отвлекает от тифа,
он в июль переносит мой март.
Никогда я за прошлое не пил,
неужели сдают тормоза
и кизячный сиреневый пепел
застилает туманом глаза?
Не вино, а кровавая накипь...
Из глубин каменистой земли
прорастали тюльпаны и маки
и в укор человеку цвели.
Забивали сады, огороды,
брали штурмом холмы и поля,
и в тифозном угаре природы
под ногами ходила земля.
Я готов поддержать менестреля,
в юбилейный врубиться содом,

мне бы только в начале апреля
из больницы вернуться в детдом –
под диктовку весёлой и стадной
и почти травоядной судьбы
выводить на линейке тетрадной:
«Всё для фронта» и «Мы не рабы»...
Не рабы... Но ни хлеба, ни соли
не хватает голодной братве,
лишь стручки залежавшейся сои
да бобов в прошлогодней ботве.
Мы богаты душевным здоровьем
(запоздалая совесть, молчи!),
нам на счастье к родимым гнездовьям
прилетали весной грачи...
На деревьях, в степи, под застрехой
птичьих гнёзда – утеха братвы.
... А в сегодняшней комнате смеха
проседают столы от жратвы...

Ледоколом пройдя меж торосов,
укрощая стихию стола,
пару истин измыслит философ
для поддержки добра против зла:
«Всё на свете пестро и ничейно,
есть один абсолют – это страх!
А пространство и время Эйнштейна –
разум жизни в кривых зеркалах.
Мы всё празднуем – ваньку валяем,
будто держим все нити в руках, –
мир не познан и не управляем,

и таким его делает страх.
Воля к власти, конечно, от страха,
жажда славы – опять от него,
ближе к телу – чужая рубаха! –
кроме этого, нет ничего...»
А закончит он пышною фразой,
к налитому бокалу спеша:
«Да, отец мироздания – разум,
ну а мать мирозданья – душа...»
...Я, как автор, попутно замечу,
поклоняясь большому уму:
диалектика противоречий
адекватна ему самому...

Импозантный, свободно-игривый,
как художник, рисующий шарж,
наш брюнет потрясёт своей гривой
и предпримет ответный демарш:
«Даже будь я рождённым в рубашке,
я бы отдал удел мудреца
за пыльцу белобрысой ромашки,
за дырявый лопух у крыльца,
за рассудочность женского взгляда,
что таит безрассудство души,
за строку, где ни склада, ни лада,
но живут и шуршат камыши...
В этом мире ничто не случайно,
если есть соловьи и цветы
и – да здравствуют! – связаны тайной
жажда плоти и дым красоты!..»

И внезапно, как сыч полуночный,
мой угрюмый, мой бледный двойник
то ли в пику мне, то ли нарочно
в долгосрочный срывается крик:
«Что ни шаг, то тупик или камень!
Если выглянуть в это окно,
нам покажется – небо над нами,
но под нами ведь тоже оно...
Невозможно ни сверху, ни сбоку,
под изломанным звёздным углом
разгадать и провидеть эпоху:
кто мы, что мы, куда мы идём...
Где то семя, та ранняя завязь,
из которых на свет родились
равнодушие, ненависть, зависть,
вечный двигатель злобы – корысть?
Нет! С какой бы космической точки
ты ни бросил свой призрачный взгляд,
не прорвёшь ты земной оболочки,
не нарушишь всесветный обряд³.
Хоть ты к Богу являйся с повинной –
или кто там стоит у руля? –
если связан с землёй пуповиной,
ты – земля и твой разум – земля...»
...Немота ему служит обузой,
так написано нам на роду:
если ты не в ладу с своей Музой,
то и с жизнью самой не в ладу...

Но, увы! Сей учёнейший диспут
на гостей нагоняет тоску:
архитектор смакует редиску,
славный бард вожделеет к пивку.
Отхлебнув, он подстроит гитару
и, отвергнув мистический бред,
сочинит и вручит юбиляру
патентованный жизнью куплет:
– Если вам пятьдесят, не горюйте,
вы как раз посредине любви,
жизнь – игра, улыбаясь, тасуйте
свои козыри – годы свои...
– На-до-е-ло! – подруга солдата
продирается из-за стола,
простовата, зато таровата,
всё, что надо, природа дала.
– Эй, гитара, давай «сербиянку»!
Прожигают паркет каблучки...
У солдата душа наизнанку,
из глазниц вылезают зрачки.
– А мой залётка маленький
как цветочек аленький,
да он под горочкой живёт,
а кто увидит, тот сорвёт...
Эх, раз да ещё раз,
кто увидит, тот сорвёт...
– Это что ж вы затеяли на ночь?! –
заявляется нижний сосед.

– Юбилей... Ты присядь-ка, Иваныч...
– Замочить? – он смеётся в ответ.
Славный гость из простого народа,
представляющий класс-гегемон,
пьёт с закуской – такая порода,
по пословице – «пьян, да умён»...

Было, было...
И в тридцать, и в сорок...
И поэт, и философ, и бард
так же щедро транжирили порох
алкоголем зажжённых петард.
И такой же приبلудный солдатик,
озираясь, сидел за столом
и краснел за невестин халатик,
разметавшийся пёстрым крылом.
И прораб, и ещё не профессор,
но уже кандидат и доцент,
величавый сосед, словно кесарь,
снисходил с высоты на момент...
Но тогда я за прошлое не пил.
Неужели сдают тормоза
и кизячный сиреневый пепел
застилает туманом глаза?..

VIII

Дистрофию не вылечишь луком...
Если грезится плов и лукум,
предпочтенье опасным наукам
отдаёт твой бесхитростный ум.
Голод – вождь, агитатор, оратор...
Совершая набег на Арысь,
ты не жулик, а экспроприатор
по тылам окопавшихся крыс.
К этим людям, трусливым и жадным,
беспощаден и неумолим,
ты считаешь себя Жан Вальжаном
или даже Котовским самим!..
Барахолка и верхняя полка,
поножовщина, «феня», картёж
превратят не в шакала, так в волка,
и покатишься, и пропадёшь...

Время выветрит запах парашаи,
сменит масти в «очко» и в «буре»,
но останется в памяти нашей
главный туз в колониетской игре:
толстобрюхий, с короткою шейей,
хитромудрый, как царь Соломон,
тыловик, он не нюхал траншеи,
надзиратель по кличке «Закон».
Но зато он завёл тут обычай
отпускать в предрассветную рань
колонистов в Чимкент за добычей
и взимать с них законную дань.
Кастелянша – его королева
(мощный бюст и подтянутый зад!)

заводила себе кавалеров
среди этих надёжных ребят...
Ты завидовал тем, кто постарше,
кто «в законе», кто маху не даст...
Вечерами старинные марши
доносились из парка до нас.
Городские франтихи и франты
и вчерашние фронтовики –
кителя, крепдешины и банты, –
но для нас они все интенданты,
ненавистные тыловики...
В двух шагах от гранёной решётки,
в двух минутах от тяжких ворот
в шестиклинках мои одногодки
мне завидуют – дикий народ!
Видно, мир для них слишком огромен,
демон детства, ревнивец и льстец,
обещает им лагерный роман
«Ванька-смык – покоритель сердец...»
Распродав саксаула вязанку,
презирая беду и нужду,
пацанва затевает «орлянку»,
бьёт сопатки у нас на виду...
... Не для форса, не ради «клубнички»,
не затем, чтоб внести колорит,
вспоминаю я наши привычки,
приблатнённый и мусорный быт,
лишь когда раскрываешь кавычки,
избавляешься от обезлички,
и тогда уж – «никто не забыт»...

Там, в краю золотых абрикосов,
где, на зависть соседним краям,
жил поэт, математик, философ
и король звездочётов Хайям...
Там, заложник святого Корана,
с телескопом наперевес
незадачливый внук Тамерлана
шёл на приступ свободных небес...
Сновиденьями юности ранней
остаются в тебе навсегда
Гур-Эмира отвесные грани,
многоцветная Шахи-Зинда...

Этот город, войною не тронутый,
вековечный, глубинный, лепной,
застоялся в душе, точно в омуте,
с минаретом, с арыком, с луной,
с ишаками, надрывно ревущими,
с кизьяками в метровой пыли
да с мечетями, в небе несущими
мусульманские шпили свои.
Муэдзина фальцет над святынями,
над прохладой урючных садов
и над площадью, пахнущей дынями,
потной шерстью и гнилью плодов.
Там, блуждая глазами нетрезвыми,
над гармошкой склоняясь навзрыд,
проскрипит мне по сердцу протезами
престарелый солдат-инвалид...

День Победы проплыл над перронами,
от беды и от счастья слепой,
он завис над весенними кронами
и над пёстрой базарной толпой.
Прописался в Ташкенте и в Люберцах,
поселился в Москве и в Орле, –
всюду лепят землянки и любят
за себя и за тех, кто в земле.
И хотя трудоднями убогими
измеряют немереный труд,
чуть не сны облагают налогами,
но сирень и тюльпаны цветут.
И хотя ковыряем мотыгами
задубелой земли черноту,
но ночуем в лугах и на выгоне,
вечерами играем в лапту...
И в помине пока ещё культа нет,
Сталин – песня, плакат или марш,
по-бульдожьки в каком-то там Фултоне
воет Черчилль (запомнился шарж)...

В гимнастёрке, а то и в нательной,
в сапогах да в худых башмаках
дух Победы стал духом артельным,
собирающим пепел и прах.
Пусть ни шила ещё и ни мыла
и ни отчего даже угла,
но уже загудели стропила,
зазвенели топор и пила.
Не пылилась в чулане гармошка,

раздувая мехи, как меха,
хотя ей подпевала окрошка
из крапивы да из лопуха.
И душа, чуть прикрытая плотью,
не коптила, как ночью свеча,
мы носили простые лохмотья,
словно шубу с царёва плеча!

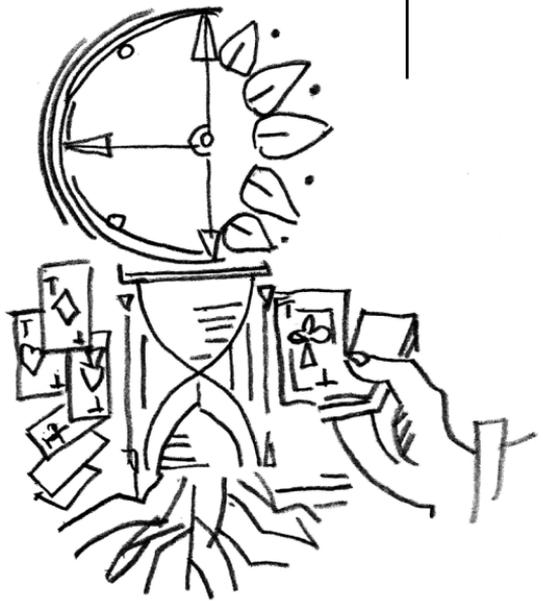
Для тебя ли соткали и вышили
холст судьбы? И на этом холсте
бледный Марс над вагонными крышами
и фонарь проводницы в хвосте.
Но когда от собачьего ящика
дотянулся глазами до звёзд,
забывай про утраты, как ящерка
забывает утраченный хвост.
И последняя в мире разлучница,
погребальный убор теребя,
поглядит-поглядит и разучится
раньше времени трогать тебя...

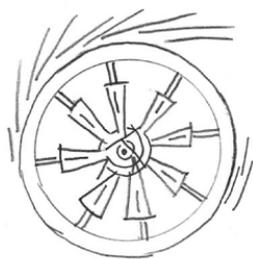
Я не камень в цветистом декоруме,
не узор на персидском ковре,
не аскет и не дервиш, которыми
воздвигаются очи горе...
И не шпиль – гранёные рашпили
сквозь голодные вижу зрачки,
хохочу от бессилья и кашляю
над болванкой, зажатой в тиски.
Где-то там корпуса общежития
то ли с жизнью, а то ли с игрой, –

не заставишь сегодня события
рассчитаться на первый-второй.
Где-то там Комсомольское озеро,
где-то райские кущи в садах,
может, память разъела коррозия,
может, это в других городах?
Те же запахи, те же мелодии,
тот же снег, тот же пух тополей
проплывают над детской колонией,
что и над ремеслухой твоей...⁴

IX

А когда подуставшие гости
начинают позёвывать в горсть,
тем подлейте, а этим подбросьте...
Чу! Звонок... Уж не главный ли гость?
Ведь судьба все узлы развязала,
навела через годы мосты.

Нет, не он...
– Ты откуда?
– С вокзала...

Узнаёшь, это я, из Москвы! –
Нет, не с ним, если небо с овчинку,
разгружали мы в Химках баржи,
распивали свою четвертинку
и делили свои миражи...

Может, где-то на сопках Маньчжурии,
может, в гиблой таёжной глуши
старый друг без еды и без курева
проживает остатки души.
Третьи сутки не видно напарника,
задержали на станции груз,
спички вышли, на сеть накомарника
налепился породистый гнус...
Был мой друг горняком и геологом,
а у них повелось искони
жизнь, как лодку, протаскивать волоком,
на болотные править огни.
Буреломами да перекатами
поле жизни держать под уздцы,
собирая восходы с закатами,
как в заплечный рюкзак образцы.
...Друг с последнею чёрствую коркою
прямо в Пятые лезет углы,

мы, пресытившись сладким, пьём горькую,
от жратвы проседают столы...⁵

Наши дамы, почти голубицами
(каюсь – зря их назвал кобылицами)
над семейным альбомом склонясь,
с умиленно-овечьими лицами
вспоминают и охают всласть...
... Фотографии старых приятелей.
Групповой юбилейный портрет
Дон-Кихотов, зубрил, прожигателей,
но кого-то здесь, кажется, нет.
Проползли, пронеслись коридорами,
позабросили книги и спорт,
обросли именами, моторами,
облысели у лунных реторт.
Кто на Полюсе, кто в «Метрополисе»,
асимметрия круглой земли
да нехитрый закон Кориолиса
тех свели, а других развели.
Тот корпит без претензий на жречество,
этот корни пустил в кабинет –
дорогое моё человечество!
Но кого же здесь всё-таки нет?
Кто остался за кадром, за зеркалом,
не проявленный, как негатив,
не измеренный общими мерками,
не охвачен, не вписан в актив?
Где-то шастает он по обочинам,
то расхристанный, то озабоченный,
упирается лбом в тупики
всем открытым дверям вопреки.
Всё мне кажется – вот он покажется,
Зазеркалье покинув на миг,
и окажет себя – и окажется

неосвоенным, как материк.
То судьбой, то мечтой увлекаемый
на путях-перепутьях земных,
кто-то должен бродить неприкаянно
для спокойствия всех остальных...

Вологодский ли с долей сиротской
или купянский с кучей родни
под сосной, под родимой берёзкой
отдыхают в тиши и в тени.

Горд, как лорд, или кроток, как инок, –
скрупулёзно сочтём и зачтём,
но сначала зароем в суглинок,
закопаем в глухой чернозём.

Ты теперь в своём теле Коперник,
открыватель межзвёздных путей,
потому что ты нам не соперник,
обнимайся с землёю, Антей...⁶

Двери – настезь!

Приятель московский,
открывая объяття свои,
мне с порога кричит по-ноздрёвски:
– Я, брат, доктор! Директор НИИ!
Вот он, бывший король преферанса:
седина, эспаньолка, живот...

Если черти не снимут с баланса,
академиком станет вот-вот!

Похититель убогих стипендий,
женолюб – сей учёнейший муж,
на лице у него, как на стенде,

вся коллекция скальпов и душ.
Он ссужал нам из наших же денег,
чтобы снова обыгрывать... Он
в этом деле давно академик,
чёрный ворон над стаей ворон.
Этот туз из московской колоды,
обстоятельный шулер и рвач,
стережёт меня все эти годы,
словно первую жертву палач.
То он в злобе на мир, то в экстазе⁷
объясняется миру в любви –
таковы современные связи,
что хоть Фрейда на помощь зови...
Я его представляю застолью,
приглушив отголоски страстей,
он умеет быть перцем и солью
для любого пошиба гостей.
Он отыщет и метод, и способ,
то елей применяя, то яд,
не напрасно брюнет и философ
на него так ревниво глядят.
И солдатик бесцветные брови
сводит, сидя в питейном раю:
уж невеста его наготове –
поправляет причёску свою...
И хотя разведёнка Ирина
прижимается к барду-дружку,
как к соседнему дубу рябина,
но глаза у неё начеку...

X

Муж хозяйки погиб в сорок пятом,
сын Иван возвратился без ног,
Тоська с Витькой да я вместо брата,
голодуха, разруха, налог...
У хозяйки работа простая –
вывозить на коровах навоз,
трудодни втихомолку считая...
Ваня – шорник, а я – водовоз.
Тоська с Витькой – тринадцать и десять –
собирают кизяк да курай,
злую глину ножонками месят –
строим домик и лепим сарай.
Подворовываем понемножку
от беды да великой нужды
ремешок ли, гнилую картошку
да бочонок казённой воды...
Ближе к осени (дом недостроен,
трудодень не оплачен пока)
фининспектор, откормлен и строен,
нас пытается взять за бока.
Он стоит посредине подворья
в галифе и защитном френче,
и планшетка – вместилище горя –
провисает на левом плече.
Отодвинув нас в сторону грубо,
начал сад вымерять, да не смог,
потому что корявый обрубок
обхватил голенища сапог...
(Дело в том, что в безводную супесь
зарывая картошки глазки,
мы попутную делали глупость –

посадили в саду черенки.)
Бормоча, что случилась ошибка,
и ещё что-то там бормоча,
он ушёл, одарив нас улыбкой
недотёпистого палача...

Лик вождя всё грозней, всё исконней, –
не хватает углов и гвоздей...
А уж местные воры в законе
пострашнее далёких вождей:
обладатели синих пакетов
(у Хозяина пряник и кнут!)
правят бал сатаны и при этом
пожинают, хотя и не жнут...
А народ под вождём как под богом, –
от узды не сойти с борозды,
оскорблённый новейшим налогом,
вырубает под корень сады.
... Заскорузнут глухие пеньки,
зарастут лопухом и бурьяном
и упрячутся, как кулаки,
по пустым и дырявым карманам...

Время – лекарь. Оно вместо пластыря.
Но уже для подземного царствия
доплетается времени сеть,
и десница державного пастыря
разомкнётся и выронит плеть...
А пока в ожиданье финала,
в искупленье бессонных ночей
то погром ленинградских журналов,

то московское «дело врачей»...
А пока, как грибы шампиньоны,
из удобренной манией мглы:
морганисты, фрейдисты, шпионы –
отпущенья родные козлы...

Пахнет юрта кошмою и куртом,
тянет влагой с заснеженных гор,
в тишине догорает за юртой
предрассветный чабанский костёр.
Снеговыми хребтами зашторен,
прямо в небе висит горизонт,
доцветают шиповник и тёрн,
кружит голову горный озон.
Вновь судьба – мой пастух, я – подпасок,
я брожу по горам, по стерне,
сотни запахов, тысячи красок
наплывут-перебродят во мне...
... Этот мир незамужних доярок,
скрытых снов и открытых грехов
так томителен, душен и ярк –
поневоле дойдёшь до стихов.
То ли с завистью к их ухажёрам,
то ли с ревностью к их женихам,
с тайной страстью и с тайным позором
поклоняешься сладким грехам.
...Отойди, примиришь, пососедствуй,
лёгким облачком в солнечный день
перед тем, как уйти без последствий,
наведи свою тень на плетень, –
ибо в царство весёлого ситца

беспризорных путей не найти,
надо с неба на землю спуститься,
чтоб душою до них дорасти...

И стоишь, одинокий и робкий,
неприметная серая мышь,
на краю танцевальной коробки
самосадам дымишь и дымишь.
Твой соперник... какой-нибудь Лёша,
грозной фиксой блистая впотьмах,
проплывает в невиданных клёшах
и «казбечину» нянчит в губах.
...Он её обнимает открыто,
он небрежно роняет слова,
и победно гремит «Риорита»,
как фанфары его торжества...
Достояться до «белого» танца,
присоседившись к карагачу,
и внезапно услышать: «Останься...
Я тебя танцевать поучу...»
Обжигаясь о талию, к платью
прикасаюсь с опаской, и вдруг,
оступившись, в невольном объёме
обхватить свой спасательный круг!
А когда, очумев от досады,
примеряя в кармане кастет,
на два слова поманит фиксатый,
убедиться, что выхода нет,
и мальчишескими кулаками
молотить темноту наугад
и гордиться потом синяками,

словно ранами старый солдат.
Возомнив о себе – небожитель! –
завалиться в вагон полевой
или в старый соломокопнитель,
среди поля заросший травой.
По-язычески спишь полуголым
и, чуть солнце коснётся ресниц,
загустевшим к утру солидолом
заполняешь тавотницу-шприц.
Зной, да ветер, да злая полова
так набьют и нажгут остюки,
что не взвидишь дунганского плова
и едва добредёшь до реки.
Но кидаешь ли в поле солому
или грузишь зерно на току,
ты к свиданью развеешь истому
на бегу, на лету, на скаку...
А когда полевые бригады
у ночного сойдутся котла,
светят звёзды, стрекочут цикады,
ночь темна, да надежда светла!
И однажды, теряя нескладность,
со стыдом, со слезами, с тоской
ты насытишь телесную жадность
и обрушишься в гордый покой...
Или вдруг, под влияньем минуты,
ощущая и гордость, и боль,
от наплыва неведомой смуты
затоскуешь: «И это любовь?!»
... Запах пыли, махорки и пота,
чад солярки и дух кизяка –

это юность, любовь и работа
мне аукают издалика...

XI

Мой москвич, словно мультик рисованный,
фаворит юбилея, москвич,
произносит не слишком рискованный
и вполне отшлифованный спич.
Поднимает бокал за Платонова,
за Булгакова, за Шукшина,
говоря: «Объективность учёного –
вот что важно во все времена...»
Головою мотая по-бычьи,
он частенько косит на меня:
заливай, дорогой, я забывчив,
заливайся, бокалом звеня.
Да и дело-то было простое:
кто зауживал брюки, тот враг,
аспирант и радетель устоев
был грозой институтских стилияг.
... Надо всем и над вся зубоскала
и в охотку смакуя винцо,
то он к слову помянет Паскаля,
то для Кафки подыщет словцо...
Боги... Йоги... Дворянские корни...
Полутайны и тайны «Двора» –
что за мир, прихотливый и вздорный,
что за масти и что за игра?!
Новомодные бесы и ангелы,
впрочем, сам он не ангел, не бес,
он, учёный, в особенном ранге
пребывает по воле небес.
Он – связник между всеми орбитами,
положение дел таково,
что все карты окажутся битыми,

если в прикупе нету его!..
Но уж как ни мутил бы он воду,
а войдёт в свою главную роль:
из кармана достанет колоду,
скажет: – Пульку, хозяин?..
– Уволь...⁸

Пульки, пульки...
Смешной, чужелицей,
нарастивший вопросов горбы,
посредине великой столицы
я вскочил на запятки судьбы.
Трубным маршем, торжественной мессой
в поднебесье гремели слова:
«Гаудеамус», «зачёты», «профессор», –
«общежитье», «студент» и «Москва»!⁹
Кто из нас не грешил верхоглядством,
не был молод и не был открыт,
не выплёскивал дружбы и братства
в немудрёный студенческий быт?
Что с того, что сумели не все мы
ограничить своё бытие
искусительным духом богемы,
не вкушая от плоти её?!
Но когда оглядишься, остынешь,
будни быта и будни наук
нелинейными и непростыми
сторонами сужаются в круг.
Стаи формул, лишённые смысла,
очевидных корней и причин,
допускающих мнимые числа
даже в мире больших величин...

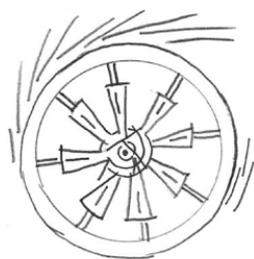
Новый курс и вчерашняя давка
на невиданных похоронах,
жизнь-корректор единственной правкой
слово «страх» переправит на «крах».
Вспоминаешь ли, друг мой единственный,
как бродили с тобой до утра
по Москве, взбудораженной истиной,
о которой не знали вчера,
по столице, невиданно-искренней,
горевавшей, кричавшей «ура!»?
Как стояли у страшного здания,
в зарешеченный глядя фасад?
Злые крики, свистки и рыдания
от стены отражались стократ.
Словно белые пальцы над чётками,
луч луны зависал над решётками
и тревожный притягивал взгляд.
Это там, за тяжёлыми шторами,
за тройными стальными затворами,
в чёрных сейфах, в дубовых столах
притаились «маруси» и «вороны»,
человечий клевавшие прах.
И в разгаре стихийного митинга,
захлестнув нас ударной волной,
кто-то горестно выдохнул: – Митенька!
Кто-то выстонал: – Саша, родной!
И какие-то местные жители,
горлопаны, шпана подшофе,
заорали: – Шпионы! Вредители!
...Этот дом, этот гроб – там родители

похоронены в тесной графе...
Кто-то выдернул кол из штакетницы,
но другой – воплощённая власть –
тут же выстрелил вверх из ракетницы,
и понуро толпа разошлась...

Нет, недолго мы были в ударе:
съезд Двадцатый, Хрущёв, целина,
первый спутник, Фидель и Гагарин,
пострадавших людей имена!
Древо культа не выдрано с корнем,
новый вождь, семи пядей во лбу,
обзаводится собственной дворней,
возрождая всё те же табу.
Обещаний и лозунгов – рынок,
здравомыслия – аукцион,
тупорылый хрущёвский ботинок
колошматит трибуну ООН.
От трагедий летим к мелодраме,
от ракет – до тупых топоров,
до распашки лугов с пустырями
да запрета крестьянских коров.
То Овечкин, то Яшин – помеха,
Пастернак получает сполна –
от державы до комнаты смеха
на качелях качалась страна...

XII

Разве можешь ты стать ротозеем,
немузейной судьбы ученик?
Пробежишь, пролетишь сквозь музей,
сквозь страницы мудрёнейших книг.
По касательной, мимо, куда-то,
неизвестно, зачем и куда...
А в глухом переулке Арбата
поджидают любовь и беда.
Отыскались, как в стоге иголка,
в многоликой и пёстрой толпе
брат-священник и мать-богомолка,
не семья, а сплошное ЧП.
Полудетская робость и грубость
и надрывные слёзы сквозь смех,
тут же тонкость, но тут же и глупость,
и пронзающий святостью грех...
... Отойди, примиришь, пососедей,
отчурайся от узеньких плеч,
одинокой душе не по средствам
приручить, отогреть и сберечь...
Так мне думалось, так мне казалось,
сам, едва приручённый людьми,
разве мог я представить, что жалость
и сильнее, и горше любви?!
Были клятвы и были свиданья
на Донской и в Нескучном саду,
и проклятия, и предсказанья,
что кипеть нам обоим в аду...
Увезти бы, похитить по-горски,
да ведь жизнь – лотерейный билет,
в многокупольном светлом Загорске

дым кадилъниц размыл её след.
Все пути в лабиринты науки
перекрыла потери стена,
что ж, судьбу не возъмёшь на поруки,
не изменишь её письма.
Цепь крепка, да разрознены звенья,
жизнь не сказка, где меч-кладенец,
разрубая узлы преткновенья,
приближает счастливый конец.
Зов судьбы или случая прихоть
проведут сквозь богему и транс...
Преферанс и бутылка – не выход,
привокзальные шлюхи – не шанс...
Да какой уж тут к чёрту анализ,
если разум с душой на лету
поделились, потом поконались
и друг с дружкой играют в лапту.
Ослеплённый вином и виною,
я увидел загадочный сон,
будто стонет-гудит подо мною
воркутинский дощатый перрон.
Что ж, была конура у собаки:
Бородинский, Донская, Фили,
там, где были посажены маки,
вдруг колючки в груди расцвели.
...Пятый угол наплыл и растаял,
возвращая мне слёзы и смех,
стаи формул и воронов стаи
напророчили тундру и снег.
Мне досадно теперь признаваться,
но обязан идти до конца:

по наивности (было мне двадцать)
я надеялся встретить отца...

Мне созвездья полярные снились,
но, когда из промозглых глубин
в первый раз на поверхность я вылез,
я шагал в общежитье один.
Остальных увели конвоиры,
не успел я привыкнуть пока,
что шахтёры и их командиры
были все поголовно зека...
Опираясь о наледь каната –
вдоль дорожки тянулся канат, –
я его обнимал, точно брата,
я к нему прижимался, как брат.
Был я счастлив, что всё получилось,
я гордился, что всё обошлось:
мне никто не оказывал милость,
не швырял милосердия кость, –
я проталкивал стойки креплений,
наживлял и снимал рештаки,
ободрал о породу колени,
чуть не в глотку вогнал позвонки...
Но сперва я сидел на наряде,
зажимая в коленях кайло,
не по книге и не по тетради
постигая своё ремесло.
Густобровый начальник участка,
глухо кашляя в старый платок
(ТБЦ?!), приговаривал часто:
«Рештаки... вагонетки... куток...»

И тоскливо мне было, и больно,
но напрасно искал я ответ,
кто тут вольный, а кто подневольный,
никаких тебе внешних примет.
Ни надрыва, ни даже порыва,
чей-то кашель, зевота, смешок...
Полусумрачно-полуигриво...
И – едва уловимый душок...
Да и то: разгляди-ка попробуй,
продерись сквозь скупые слова,
что за сердце таится под робой,
что за мысли таит голова?
Дух безверья, надежды и веры,
злой мести? Суди, порицай –
коммунист ли, каратель Бандеры,
вор в законе, бандит, полицаи?..
Сели в клеть и – во чрево земное,
шли по штреку во мгле и в пыли
и хозяйство своё добычное,
мне казалось, случайно нашли.
Опускали на тросах комбайн
круто склоном куда-то туда...
– Эй, чего застоялся, как барин?!
Это мне... Я вспотел от стыда...
– Новичок? – кто-то тощий и длинный
усмехается: – Дуй до горы!
– Это как это?..
– Кверху за глиной...
Да живее – отпалим шпуры. –
Отпалили и без перебоя –
весь забой, как один человек,

уголёк наш волнами приборя
плыл и падал в откаточный штрек.
... Я не мог отыскать поворота,
ветер с Карских ворот, ледяной,
вынуждал меня эти ворота
оставлять за усталой спиной.
Будто сила осмысленной злобы,
напирала стихия пурги,
я шагал, зарываясь в сугробы,
падал, полз и не видел ни зги.
Я совсем обессилел... и с жизнью
я уже распростился и сник,
и тогда я увидел капризный,
чуть мигающий в тундре ночник...
Как голодный, гонимый утробой
за последним на свете куском,
задыхаясь, я полз по сугробам,
примагниченный тем огоньком.
В стороне, заметённый метелью,
в ледяной заполярной стране,
над младенческой колыбелью
он мерцал и подмигивал мне.
Оттирали меня что есть мочи,
и, в себя приходя кое-как,
я услышал: – Нет! Тут, брат, не Сочи...
Тут спрямить невозможно никак. –
К нам из горенки вышла хозяйка,
покачала, смеясь, головой:
– Вот те, паря, бельё, надевай-ка,
слава Богу, живой-то, живо-ой!
За стеною заплакал ребёнок,

и она заспешила к нему,
видно, с запахом первых пелёнок
добрый дух поселился в доме.
– Без детей-то нельзя человеку...
Ну дак мы отмотали срока,
кое-как поскребли по сусекам
и на радость слепили сынка!
Он рассказывал без напряженья,
что в семнадцать ушёл на войну,
под Смоленском попал в окруженье,
а потом оказался в плену.
Он шутил, называл меня «кореш»,
ну а я, как свалился с луны,
всё глотал, но не сглатывал горечь –
горечь спирта, беды и вины...
...Каплет кровля, царапает земник,
дышит стойка, и гнётся распил,
комбайнёр – настоящий волшебник –
вводит в русло сноровку и пыл.
Не для денег, не ради почёта
их обыденно-каторжный труд:
сто процентов – не будет зачёта,
сто двенадцать – день за три зачтут.
Бесконечные зоны и лавы,
те же завтра, что были вчера,
вагонетки, вагоны, составы
на-гора, на-гора, на-гора...
Беспросветные серые будни,
не судьба, а дырявый сосуд,
каждый день тут воистину Судный,
время мчится, да сроки ползут...

Колонист, беспризорник, бродяга,
я не раз попадал в оборот,
но не знал, что ворота ГУЛАГа
начинаются с Карских ворот.
Сатана ли с нечистой свитой,
прославляя себя на века,
порешил отогреть Ледовитый
скудной плотью и духом зека?
... Вот и он отсидел по зачётам.
– Говорят, там готовится съезд? –
и рукою махнул: – Да чего там! –
Ворон сдох, а ворона не съест...

XIII

Не года, а секунды считающий,
неподвластный душе и уму,
вечный Некто, во мне обитающий,
не даёт мне побыть одному.
Это он, воплотившийся в облике
двойника, что напротив меня,
издевается: – Ты как на облаке,
разомлел, будто рядом родня...
Ты забыл, как, поэмой растроганный,
лысоватый нажрался до слёз,
а наутро в особые Органы
полётел анонимный донос?
Как прозаик с глазами бараньими
превознёс твой рассказ до небес,
а наутро на важном собрании
раздраконил тебя и исчез?
Твой москвич управляет колодою,
как пиратскою шхуною Дрейк,
твой солдатик, истерзанный модою,
спит и видит развинченный брейк.
Отчего не позвать и профессора?
Снизойдёт и зайдёт толстовед
и с величием римского кесаря
передаст от науки привет.
Всё постыдное, мелкое, грязное,
облачённое в сладкую ложь,
ты смешал с алкоголем и, празднуя,
свою душу продал ни за грош.
Твоя совесть – старуха-уборщица –
подтирает полы и не морщится,
вымывая чужие плевки,

Кто оценит твоё всепрощение?
Ты всегда был козлом отпущения!»
... Зато сны мои были легки!

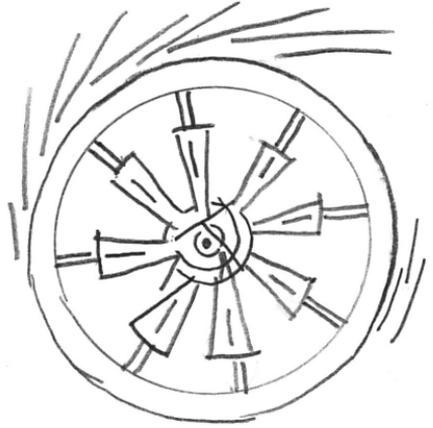
Все мы люди, и все мы соседи,
современники, братья, друзья,
драга жизни и времени сети
неизбежны для каждого «я».
Холодильник, сервант, телевизор...
Полный короб потех и утех,
всем потопам бросающий вызов
персональный бетонный ковчег.
Нам хватает колёс и турусов,
а когда оторвут от игры,
с удовольствием празднуем трусов,
с удовольствием катим с горы.
Под сурдинку, в эзоповом стиле
поминаем о шиле в мешке,
о лекарственных ядах рептилий,
о верблюде в игольном ушке.
Нам теперь что страда, что эстрада...
За какую нас дёргали нить,
чтобы всех в беспородное стадо
обратить и вконец развратить?!
Всё усушки вокруг да утруски,
рукавом закуси – и вперёд...
По-геройски, по-свойски, по-русски! –
кто не пьёт, тот плохой патриот...
Если плоть выжигают калёным,
то и души горят от клейма,
ни гордыней, ни смертным поклоном
не наполнить судьбы закрома...

Лунный свет на полу как мозаика
в прихотливом сплетенье теней,
капитальной фигура прозаика,
лица женщин бледней и смутней.
В бороде молодого художника
заблудился салатный листок,
и подруга его осторожненько
достаёт из корсажа платок.
Лысоватый, огурчиком хрумкая
(он не даром народный поэт!),
не зеваает и рюмку за рюмкою
посылает в себя, как дуплет.
Трезвый Некто похож на лунатика,
а москвич – не отвлечь калачом –
всё к подруге хмельного солдата
прижимается тяжким плечом...
Ведь всегда есть одна между сёстрами –
неразборчива и горяча,
та, что дразнит ресничками острыми,
лёгкой блузкой, приснятой с плеча,
и словами, и мыслями праздными
поджигает застолье и зал,
пахнет ревностью, пахнет соблазнами,
зреет зависть, обида, скандал...
Но хозяйка мудра и внимательна,
словно снайпер, спускает курок,
водружая на стол обязательный,
под конец припасённый пирог.
И над ним, как надстройкой над базисом,
в ореоле высоких речей

зажигаются, светятся, гасятся
пятьдесят юбилейных свечей!
За окном предрассветное марево.
Израсходовав лунный лимит,
ночь устала себя разбазаривать,
только комната смеха дымит...

XIV

Утомлённый вчерашней бессонницей,
щедрой Музой, гостями, собой,
я ложусь, голова моя клонится,
я лечу на свиданье с судьбой.
... Пол зеркальный, и стены зеркальные,
и зеркальный вокруг шепоток:
«Между молотом и наковальнею
всяк сверчок занимай свой шесток...»
Я хотел бы казаться невидимым,
я твержу себе: «Сон это, сон!»
Но меня вызывают в президиум,
за которым поют в унисон.
Зеркала, частоколы, шлагбаумы...
Полусвет-полуцвет витражей...
Здесь людей избавляют от «зауми»,
от непрошенных снов-миражей.
Два хирурга с правами таможенников
и особый духовный судья
у поэтов, актёров, художников
изымают излишние «я».
Безболезненно и не без грации,
словно это всего лишь обряд,
совершаются здесь операции,
ибо ведают те, что творят...
Выхожу на высокий просцениум,
предъявляю свой дряхлый шесток,
замираю и жду с нетерпением –
вот судья приподнял молоток...

Примечания

Перовский Николай Михайлович (1934–2007 гг.) – поэт, прозаик, член Союза писателей с 1964 года. С малолетства сын репрессированных родителей воспитывался в детском доме слободы Михайловка (ныне Железнодорожный район Курской области). Во время войны эвакуирован в Казахстан. Убежав из детдома, беспризорничал, воспитывался в совхозе. Окончив среднюю школу, учился в Московском горном институте. Трудился на шахтах Донбасса и Воркуты, осваивал целину.

С 1957 года жил в Белогорье. Работал почтальоном, учителем, музыкантом, журналистом. В 1961 году вышла первая книга стихотворений «Звёзды делает человек». Являлся одним из основателей Белгородской областной писательской организации. В 1976 году переехал в город Орёл. В «третьей литературной столице» изданы вершинные стихотворные книги: «Чьи-то сновиденья провожая», «Лебеди на Орлике», «Журавли не только улетают», «Книга книг»...

Именем талантливого писателя названы библиотеки в Орле и в слободе Михайловке. Материалы о жизни и творчестве Н.М. Перовского хранятся в экспозиции и в фондах Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева, Белгородского государственного литературного музея и Железнодорожного краеведческого музея. Похоронен в Орле на старинном Троицком кладбище.

Поэма «Комната смеха» печатается по машинописной рукописи из личного архива Н.М. Перовского (хранители Лидия Ивановна и Маргарита Николаевна Перовские, г. Орёл). Датировка произведения указана автором – помета в конце основного варианта: «Ок-

тябрь 1986 – октябрь 1987 года», однако в черновых записях отсчёт ведётся с «юбилейного» 1984 года.

При жизни писателя полный текст поэмы не издавался. Отдельные её фрагменты печатались как лирические стихотворения или тексты с авторскими пометами: «глава из поэмы», «отрывок из поэмы». Так, в книги «Старое танго» (Орёл, 1993, с. 50-51), «Чьи-то сновиденья провожая» (Орёл, 1997, с. 87-89), «Лебеди на Орлике» (Орёл, 2002, с. 187-189) и «Журавли не только улетают» (Орёл, 2009, с. 120-122) был включён вариант первой главы поэмы. В тульском издании «Память любви» опубликован один из фрагментов, озаглавленный «Пурга» (Тула, 1990.–С. 67-70), повествующий о воркутинских странствиях писателя. В книгу «Время» (Орёл, 2005, с. 129-135) вошла глава «Юбилей», датированная 2003 годом. Полностью поэма была опубликована в журнале «Аргамак» (Набережные Челны, 2012, № 2/II, с. 11-132), позже вошла в том избранных стихотворений – «Книга книг» (Орёл, Вешние воды, 2014, с. 400-453).

В 2019 году – к 85-летию со дня рождения Н.М. Перовского – поэма «Комната смеха» представлена читателю как отдельное книжное издание, включающее иллюстрации члена Союза художников России Татьяны Сергеевны Блиновой (см. её оформление книг «Чьи-то сновиденья провожая», «Корни и крона», «Лебеди на Орлике», «Журавли не только улетают...») и материал к творческой биографии писателя (вступительная статья, черновые рукописи поэмы, библиография и др.).

В личном архиве Н.М. Перовского сохранилось несколько черновых вариантов поэмы «Комната смеха». Отдельные страницы содержат не только авторскую правку слов или строк, но и обширные рукописные дополнения на полях, по объёму иногда превышающие

Примечания
печатный текст и выходящие на оборотную сторону листа. Почерк писателя, в отдельных местах почти неразборчивый для стороннего взгляда, – это сгусток вдохновенной, почти вулканической творческой энергии, вырвавшейся на бумагу. В настоящем издании раздел «Приложение» включает несколько черновых листов «юбилейной» поэмы с рукописной правкой.

Примечательно, что первоначальные варианты поэмы сопровождались эпиграфами, взятыми из фольклорных жанров. В одной из редакций в позицию предтекста поставлена пословица: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», в другой – использована поговорка, основанная на алогизме: «Была у собаки хата, дождь пошёл – она сгорела». Однако в основном тексте писатель отказывается от этих интертекстуальных ссылок, которые не соответствовали глубине и масштабам авторского замысла.

В черновых вариантах писатель нумеровал каждый графически (пробелом) выделенный фрагмент текста, при этом насчитывалось более 80-ти частей. В окончательной редакции, отказавшись от излишне дробной нумерации, автор выделил 14-ть основных глав.

Черновые варианты отдельных строк

1. Стр. 41: свой последний запас откровенья ты припрятал до чёрного дня.
2. Стр. 42: назначается путь кораблю.
3. Стр. 58: не нарушишь всемирный обряд.
4. Стр. 68: и над той ремеслухой твоей...
5. Стр. 72: и у нас проседают столы...
6. Стр. 73: обнимайся с судьбою, Антей...
7. Стр. 74: то он в злобе, то он в экстазе.
8. Стр. 86: – Изволь!..
9. Стр. 86: и как флейта – «студент» и «Москва».

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги Н.М. Перовского

Поэзия

1. Звёзды делает человек: Стихи. / Художник Лебедев В.И. – Белгород: Белгородское книжное издательство, 1961. – 46 с.

2. Голуби, голуби... / Вступ. ст. Наровчатова С.С. – Белгород: Белгородское книжное издательство, 1964. – 86 с.

3. Небо: Стихи. / Художник Снегур И. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1965. – 96 с.

4. Испытание: Стихи. / Художник Ахунов М.Ф. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное издательство, 1967. – 43 с.

5. Осенние костры: Стихи. / Художник Зорикова Л. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное издательство, 1969. – 46 с.

6 Август: Стихи и поэмы. / Художник Зибров Ю. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное издательство, 1973. – 103 с.

7. Грани: Стихи и поэмы. / Художник Тимохин Ю.Н. – Тула: Приокское книжное издательство, 1979. – 61 с.

8. В пути: Стихи и поэмы. / Художник Прокуратова Т. – Тула: Приокское книжное издательство, 1986. – 63 с.

9. Память любви: Стихи. / Художник Рязанцев С. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990. – 79 с.
10. Старое танго: Стихи. / Худож. оформление Сурковой Л. – Орёл: Вешние воды, 1993. – 76 с.
11. В расколдованном мире: Стихи. / Художник Блинова Т.С. – Орёл: Издательство «Мостинжсервис – РЭМ», 1996. – 44 с.
12. Чьи-то сновиденья провожая: Стихи разных лет. / Художник Блинова Т.С. – Орёл: Вешние воды, 1997. – 189 с.
13. Ночные города. Стихи. – Железногорск: Издательство «Школяр», 1997. – 40 с.
14. Корни и крона. / Вступ. ст. Ермакова И. Художник Блинова Т.С. – Орёл: Вешние воды, 1999. – 188 с.
15. Лебеди на Орлике. / Вступ. ст. Тюрина Г.А. Художник Блинова Т.С. – Орёл: Вешние воды, 2002. – 208 с.
16. Иное царство. [«Венки сонетов».] / Автор-предисловие. Художник Блинова Т.С. Дизайн обложки Блинов В.Н. – М.: Глобус, 2002. – 112 с.
17. Звезда упала: Избранная лирика. / Редактор-составитель Алешков Н. Вступ. ст. Агибалова Л. Художник Белова-Недовизий О. – Набережные Челны, 2002. – 104 с.
18. Время. / Художник Сорокина О.А. – Орёл: Вешние воды, 2005. – 135 с.
19. Осень в городе. – [Без выходных сведений]. – 14 с.
20. Журавли не только улетают...: Стихи. Проза. Воспоминания. / Художник Блинова Т.С. – Орёл: Вешние воды, 2009. – 474 с.

21. Книга книг. Избранные стихотворения. Сост. Перовская Л.И., Перовская М.Н., Тюрин Г.А. Художники Душечкина О., Душечкин М. – Орёл: Изд-во «Вешние воды», 2014. – 464 с.

Проза

22. Дорога к дому: Повести и рассказы. / Художник Халиков В.С.– Тула: Приокское книжное издательство, 1983. – 176 с.

23. Стоит гора высокая: Повести и рассказы. / Художник Никулин Е. – Тула: Приокское книжное издательство, 1991. – 285 с. (серия «Приокская проза»).

Издания о творчестве Н.М. Перовского

Орловский край в русской литературе XX-XXI веков: исследования, публикации, сообщения. Выпуск 2: Памяти Н.М. Перовского: В 2-х книгах / Автор научного проекта (серия, выпуск), ответ. ред. и сост. Тюрин Г.А. – Орёл; Изд-во ОГУ, Изд-во «Вешние воды», 2009.

Тюрин Г.А. Орловский литературный некрополь: Материалы к библиографическому словарю. – Выпуск 1: Перовский Н.М. (1934-2007 гг.). – Орёл, ОГУ, 2011. – 40 с. (Приложение к изданию «Орловский край в русской литературе XX-XXI веков: исследования, публикации, сообщения»).

Библиографические источники

Писатели Орловского края: Биобиблиографический указатель / Под общей редакцией Муратовой К.Д. И Шевелёвой Г.М. – Орёл: Орловское отделение Приокского книжного издательства, 1981. – С. 330-331.

Писатели Белгородчины: Библиографический указатель / Сост. Аносова Л.Н., Маракина Н.А., Петрова Т.В., Шапошникова К.Н. – Белгород, 1990. – С. 117-119.

Чупринин С.И. Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. Т. 2. М – Я. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – С. 203.

Библиографический указатель публикаций и изданий железнодорожских литераторов. 1957-2007 / Сост. Козлов В.П. – Железнодорожск, 2007.

Орловская писательская организация за 50 лет: Биобиблиографический справочник / Сост. Лысенко А.И. – Орёл: Вешние воды, 2011. – С. 206-211.

Содержание

Тюрин Г.А. В перехлёсте эпох (о поэме Н.М. Перовского «Комната смеха»)	3
Перовский Н.М. Комната смеха. Поэма	8
Примечания.....	108
Приложение. Черновые листы поэмы «Комната смеха» с рукописной авторской правкой.....	111
Библиография	115

Литературно-художественное издание

Перовский Николай Михайлович

КОМНАТА СМЕХА

Поэма

Публикация

Перовской Лидии Ивановны
и Перовской Маргариты Николаевны

Художник Блинова Татьяна Сергеевна
Дизайнер-консультант Блинов Владимир Николаевич

Издание осуществлено на средства Л.И. и М.Н. Перовских

Подписано в печать 09.12.2019 г. Формат 84x108/32.
Гарнитура Constantia. Печать ризография. Бумага офсетная.
7,5 усл. печ. л. Тираж 120 экз. Заказ № 391

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел. (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru